

Марк Яковлев

Dora*

Эссе о жизни Доры Шварцберг

Нью-Йорк: день второй. Иегуди Менухин

Перед выступлением в Линкольн-центре Менухин пригласил Дору вместе пообедать, чтобы обсудить детали будущего концерта. Дочь Менухина Замира шепнула на ушко Доре: «Проследи, чтобы папа не забыл взять с собой в ресторан деньги». Менухина деньги мало интересовали, он часто забывал брать их с собой. Однажды в Лондоне великий скрипач, опаздывая на репетицию в Альберт-холл, поймал такси. Подъехали к концертному залу, но оказалось, что Менухин забыл взять с собой кошелек. Он извинился перед таксистом и сказал, что отдаст деньги.

– А кто вы такой? – поинтересовался таксист, глядя на Альберт-холл.

– Менухин, – ответил скрипач.

– Вы – Менухин?! – удивился таксист. – Я вас много раз видел по телевизору. В телевизоре вы такой большой и солидный, а в жизни – смотреть не на что!

Накануне концерта в Линкольн-центре великий скрипач пригласил Дору в бархатном пальто ярко-синего цвета.

– Менухин мог себе это позволить, – мечтательно добавила Дора.

Маэстро витал в музыкальных облаках и мог себе многое позволить: забывать деньги дома, расплачиваться контрамарками,

* Окончание. Начало в кн. 90.

Yehudi Menuhin Conductor **Dora Schwarzberg** Violinist
Members of The New York Philharmonic Orchestra
Avery Fisher Hall, Lincoln Center
Sunday, March 13, 1983, 7:30 p.m.

PROGRAM

Bachet
 Beahms
 Schubert

Adagio for Strings
 Concerto in D Major for Violin and Orchestra, Op. 77
 Symphony No. 9 in C, "The Great"

YEHUDI MENUHIN
 He has been the great maestro of his time for the past generation. In the eyes of the new generation of young people, he is the greatest of all. The New York Times.

In the concert world, Menuhin is a name that has been mentioned in the same breath as the names of the great composers who have written the music of the world. He has been a pioneer in the field of chamber music, and his recordings have made him a legend in the world of music. He has been a pioneer in the field of chamber music, and his recordings have made him a legend in the world of music.

DORA SCHWARZBERG
 First Concerto
 The young Dora Schwarzberg was born in Vienna in 1907. She was the first of three children. Her father was a pianist and her mother was a singer. She began to play the violin at the age of five. She was a member of the Vienna Philharmonic and the New York Philharmonic. She has been a member of the New York Philharmonic since 1950.

присниться юной даме накануне концерта в бархатном пальто ярко-синего цвета – цвета николаевского и одесского неба. Только одного не мог себе позволить Иегуди Менухин – плохо играть на скрипке!

В 1976 году в Лондоне на конкурсе скрипачей имени Карла Флеша, где Иегуди Менухин возглавлял жюри, Дора заняла первое место, и маэстро пригласил лауреатку конкурса и ее пианиста Виктора Деревянко к себе домой. Дора набралась храбрости и попросила Менухина показать, как надо играть окончание десятой сонаты Бетховена. Менухин ответил, что он покажет, как надо играть окончание сонаты Бетховена, если Дора покажет ему, как она играет одно место в «Чаконе» Баха. Вот такой получился «обмен производственным опытом» у скрипачей разных поколений. Великий скрипач не постеснялся поучиться у молодой скрипачки тонкостям ремесла. Менухин был великим не потому, что он всю жизнь учился, а потому, что он великим родился.

Выход замуж, или Деревня Брайтон-Бич, где скучал Романов

Мама Мира сказала дочери: «Хватит выходить на сцену, пора уже выходить замуж!». А в это время на Брайтон-Бич скучал Иван Романов. Нельзя сказать, что уж очень сильно скучал. Он познакомился там со многими интересными людьми: Эфраимом Севелой, Иосифом Бродским и другими знаменитыми эмигрантами. С Иосифом Бродским Иван познакомился в картинной галерее Эдуарда Нахамкина на творческом вечере поэта. Иван сам прекрасно читает стихи, и ему, естественно, было интересно послушать чтение Бродского. Он попросил поэта прочитать стихотворение «Стихи под эпитафией», написанное Бродским в восемнадцатилетнем возрасте. Ивану нравилось это стихотворение, и особенно запомнилась строка: «В каждой музыке – Бах».

– Ну что вы, – ответил поэт, – это совсем детское стихотворение. Лучше я прочитаю «Письма римскому другу».

Владимир Бабаджан, директор музыкальной школы в Нью-Йорке, где детей учили «музыке и Баху» сказал Ивану Романову, что познакомился с дамой его сердца!

– Она то, что тебе надо! Поверь мне, я в этом деле понимаю! – повторил он фразу великой тети Симы.

Иван попросил телефончик и на следующий день позвонил Доре. Голос у Ивана был обворожительный еще с тех пор, как он работал диктором на одесском телевидении и радио, там он говорил «за всю Одессу!». Правда, к тому времени Дора уже училась в московской консерватории и слушала Бетховена, Брамса и Брука, а не голос Ивана Романова на одесском телевидении и радио.

На свидание Иван надел красную рубашку, черные брюки и белый пиджак. Приехал на новой двухдверной машине «катлас суприм» серебристого цвета и, главное, вовремя, чего с ним давно не случалось. Все говорило о «серьезных намерениях». Дора пришла на свидание в той же цветовой гамме: красное, черное и белое. Их цветовые гаммы совпали!

Музыкальные гаммы совпали тоже. На вопрос Доры «Какая музыка вам нравится?» Иван многозначительно произнес: «В каждой музыке – Бах!» – скромно умолчав, что строка из Бродского. Строка произвела на Дору впечатление – она вспомнила, как играла «Чакону» Баха для Иегуди Менухина.

Гаммы в партитуре любви так же совпали, и дело двигалось к свадьбе. На смотрины Иван пригласил домой писателя Эфраима Севелу, а к Доре прилетела мама Мира из Израиля. Смотрины прошли удачно, если не считать маленького «пограничного инцидента» между сторонами. Патриотка Израиля мама Мира «замочила» Эфраима Севелу, утверждавшего, будто евреи, разбросанные по всему миру, – это удобрения для других стран, а собранные вместе в Израиле – куча дерьма. Вот в этих удобрениях и куче дерьма мама Мира и «мочила» писателя.

На свадьбе гуляла «вся нью-йоркская Одесса», ресторан был полон гостей. «За столом на первом месте сидели жених с невестой. Это их день. На втором месте сидел Сендер Эйхбаум», – так у Исаака Бабеля «В Одесских рассказах». А у Доры с Иваном на втором месте сидел тезка Бабеля Исаак Стерн. Потому что он хотя и не был свидетелем на свадьбе, но это его право, право суперзвезды! Стерн на свадьбу пришел последним. Он вообще везде любил приходить последним – чтобы все видели, как в зал входит звезда! Помните, Дора сказала о пальто Менухина: «Он мог себе это позволить!»? Так же и Стерн мог себе это позволить – всюду приходить последним, кроме музыки.

Последняя их встреча произошла в Вене. Стерн принципиально никогда не выступал ни в Германии, ни в Австрии из-за нацистского прошлого этих стран. В 2001 году, незадолго до смерти, Стерн приехал в Вену как турист и увиделся с Дорой и Иваном последний раз. Сидели в ресторане, позвонил Грегори Пек, голливудская звезда, лауреат «Оскара», и пригласил Стерна на банкет в Белый дом на свое награждение у президента США.

– Что же ты раньше не позвонил? – пошутил Стерн. – Я бы тогда не ел до банкета!

Дочь Нора и внук Яшенька

Нора родилась в Нью-Йорке. Когда дочери было полтора года, родители переехали в Вену, и она выросла в европейской столице музыки. Девочка Нора постоянно крутилась среди музыкальных гостей дома Романовых-Шварцберг и слушала их разговоры. Мама решила чем-то завлечь дочь в ее детскую комнату и повесила в детской на окнах очень красивые новые занавески. Дочь пришла из школы, увидела красивые занавески, очень обрадовалась, захлопала в ладошки, обняла и поцеловала маму.

– Ну вот, – облегченно вздохнула довольная мама, – теперь ты будешь с радостью заниматься в своей комнате и не мешать взрослым в гостиной!

– Неужели ты думаешь, что занавеска может сделать человека счастливым?! – серьезно воскликнула семилетняя девочка.

А папа девочки, наблюдавший эту сцену, опять, как когда-то в Одессе, голосом диктора процитировал Бродского:

– Скатерть спорит с занавеской в смысле внешнего убранства.

Так и росла девочка Нора среди разговоров взрослых о музыке, репетиций и концертов.

Однажды Нора шла с няней из школы и встретила на улице маминого знакомого, часто приходившего в гости, известного венского музыканта, очень тонкого исполнителя. Когда он приходил в гости к папе и маме, а их не было дома, он рассказывал девочке Норе о своих проблемах. Сейчас музыкант тоже был грустен.

– Хочу с тобой поговорить и поделиться своими проблемами, – сказал музыкант девочке.

– У тебя опять проблемы? – тихо поинтересовалась первоклассница Нора у пятидесятилетнего музыканта.

– Да, – ответил музыкант, – у меня проблемы: я ее люблю, а она меня не хочет видеть.

– А ты ей говорил, что ты ее любишь? – поинтересовалась первоклассница.

– Нет, – ответил музыкант.

– Так скажи ей об этом! – посоветовала девочка.

– Точно! – воскликнул музыкант. – И как я до этого раньше не додумался? Вот когда с тобой поделишься проблемами, сразу находишь их решение, и становится легче...

– У меня тоже есть проблемы, и даже две, – вздохнула Нора.

– Выкладывай! – воскликнул повеселевший музыкант.

– Я хочу шоколадное мороженое.

– А вторая проблема? – поинтересовался музыкант.

– А вторая проблема, – чуть не плача сказал девочка Нора, – я хочу еще и сливочное мороженое, а няня деньги забыла дома.

– Ты хочешь, чтобы я купил тебе мороженое? – радостно спросил музыкант и полез в карман за портмоне

– Нет, – сказала Нора любимое слово своей мамы, – я просто тоже хотела поделиться с тобой своими проблемами.

Став постарше и начав играть на альте, дочь Нора, глядя вверх, как-то заявила маме:

– Музыка улетает, а счастье остается.

– Ваша мечта – научить внука играть на скрипке? – спросил я Дору.

– Нет, – ответила Дора, – моя мечта, чтобы мои близкие занимались делом, которое они любят! Поэтому я не буду заставлять внука играть на скрипке...

– Но мальчика назвали в честь известного скрипача Яши Хейфица?

– Нет, – снова ответила Дора, – просто маме и папе нравится имя Яша.

Тут я опять вспомнил девочку Дору, отвечавшую на ташкентском базаре на все вопросы «нет!».

– Хотите вы этого или нет, но ваш внук обречен быть музыкантом!

– Почему вы так считаете? – спросила Дора.

– Потому что имя Яков означает «идущий за кем-то», «следующий по пятам». А по чьим пятам может пойти ваш внук, если его мама – альтистка, бабушка – знаменитая скрипачка, прабабушка – виолончелистка, прадедушка – скрипач, а все его одиннадцать братьев и сестер – музыканты, прапрабабушка – тоже скрипачка...

В конце 90-х годов Дора исполняла сложный концерт для скрипки, смычок коснулся струн, выпрыгнул из руки и полетел по дуге в зрительный зал. Дочь Доры, сидевшая в зале, поймала смычок мамы в воздухе, взбежала на сцену, вернула его маме, и та продолжила играть. К тому времени дочь еще не решила окончательно, чем она будет заниматься в жизни, но этот удивительный случай стал символом передачи эстафетной палочки от матери к дочери. Нора стала альтисткой и недавно вернулась с международного музыкального фестиваля в Мексике, где прекрасно выступила.

Дочь Нора и внук Яшенька

Юрий Башмет говорит, что Нора – это его совесть! Она заставляет его работать!

Но остался открытым вопрос, поймает ли смычок внук Яшенька, когда тот выпрыгнет из рук его мамы.

Дары Доры – ее ученики

«Научить технично играть на скрипке не очень трудно. Трудно научить чувствовать и передавать эти чувства слушателям, извлекая музыку. Извлечение звука – самое ценное и дорогое, что есть у музыканта!» – так говорит Дора. Всех ее учеников-скрипачей перечислить просто невозможно. Дора подготовила около двадцати концертмейстеров, играющих в разных оркестрах по всему миру. Одним из них является Илья Коновалов – сейчас первый концертмейстер израильского филармонического оркестра. Еще один концертмейстер, с которым

Ученик Доры испанский скрипач Гийом Паш

я познакомился в Вене, – Кирилл Максимов.

За три дня, что я был в гостях у Доры, передо мной предстали четыре ее ученика. Приехали с мамой два брата двенадцати и четырнадцать лет из Берлина. ДШ сбежала на три часа из госпиталя, чтобы провести с ними занятие перед экзаменами. Результат: двадцать пять и двадцать четыре балла из двадцати пяти! Приехала с папой девочка четырнадцать лет из Бари, Италия. Она готовилась в июле играть на острове Иския в Неаполитанском заливе. Приехал с родителями необычный мальчик из Китая.

– Ты заметил, что в одном месте сыграл фальшиво? Можешь исправить? – спрашивает его Дора.

– Я-то заметил, – вздыхает мальчик, – но уже поздно исправлять, музыка-то улетела, – и мальчик показывает большим пальчиком наверх, на небо...

Вечером пришел на консультацию бывший ученик Доры, испанский скрипач Гийом Паш. Он полтора года проходил стажировку в московской консерватории и сумел сделать невероятное – вернуться назад без русской жены! Но с рекомендацией профессора продолжить в Вене у Доры Шварцберг свое музыкальное образование.

Гиша, как любовно называет его Дора, пригласил Дору и Хорхе Боссо провести мастер-классы в Испании, в маленьком городке, состоящем из одной улицы. Дора любит такие маленькие уютные городки, где невозможно потеряться. Сидит себе Дора в кафе на единственной улице и пьет прекрасный испанский кофе. Подходит Гиша в сопровождении пожило-

го джентльмена и его спутницы в широкополой шляпе. Гиша представляет джентельмена – это его дедушка, который хочет познакомиться с музыкальным педагогом внука. Джентльмен протягивает Доре руку и на высоком немецком языке «Hochdeutsch» начинает говорить Доре, как он рад за внука и его успехи в музыке.

Когда джентльмен со спутницей уходят, Дора спрашивает Гишу, почему его испанский дедушка говорил с ней на прекрасном немецком языке,

– А это его родной язык, дедушка – внучатый племянник Рихарда Штрауса, – отвечает Гиша, быстро наливая себе кофе.

Чашка в руке Доры начинает слегка подрагивать, она ставит ее на стол и долго смотрит вслед медленно удаляющейся пожилой паре...

Из городка с одной улицей самолеты в Америку не летали. Надо было лететь через Мадрид. Гиша оставил Доре и Хорхе ключи от мадридской квартиры, а сам обещал прилететь чуть позже. Войдя в квартиру Гиши, Дора первым делом взялась рассматривать фотографии на стенах. На одном овальном фото была красивая рыжеволосая женщина в обнимку с... Омаром Шарифом.

– Кто эта женщина? – спросила Дора Гишу, когда он вернулся домой.

– Это моя бабушка, а рядом с ней ее родной брат Омар Шариф, я тебя с ним познакомлю!

Омар Шариф и десять «Волшебных флейт» Моцарта

Встречу назначили в роскошном ресторане. Седовласый жизнерадостный Омар Шариф понравился Доре даже больше, чем актер в фильме «Доктор Живаго». Он рассказал, что родился в Египте в семье христиан из Ливана, и настоящее его имя – Мишель Демитри Шальхуб. Семья была богата, но далека от европейской культуры. Мама Шарифа Клара Шальхуб довольно часто играла в карты с самим королем Египта Фаруком I. Для игры в карты

Омар Шариф и Дора Шварцберг в мадридском ресторане

не надо было знать ни Моцарта, ни Бетховена.

Став звездой американского и европейского экрана, дважды лауреатом «Золотого глобуса» и номинантом на премию «Оскар», другом Марии Каллас и других звезд, Шариф понял, что надо наверстывать упущенную культуру. Первым делом он пошел на оперу Моцарта «Волшебная флейта». Еле-еле высидел два действия. Но Шариф не был бы Шарифом, если бы бросил начатое дело. На следующий день он пошел еще раз. И так десять раз подряд, пока не полюбил оперу настолько, что основал общество поддержки оперного искусства.

Он дружил не только с Марией Каллас, но и с Давидом Ойстрахом, и любил его игру, говорил, что у скрипача потрясающая правая рука! Так он стал разбираться в музыке.

Шариф поблагодарил Дору: наконец-то в их семье появился свой музыкант – Гийом. Он часто приглашал его в Париж, и внучатый племянник играл ему то, чему научился у Доры.

Разговор зашел о религиях, и Шариф проявил удивительную осведомленность в них, включая православие. Он с юмором объяснил Доре, что изучал религии по женам своего сына Тарека, вместе с которым снимался в фильме «Доктор Живаго». Последняя жена Тарека была русская, отсюда и знание православия. Когда несколько лет назад Омар Шариф умер, Гиша пришел к Доре с печальным известием и сказал, что не знает, ехать или не ехать на похороны. Масса родственников, похоронная суета... Дора однозначно ответила: «Ехать! Ты себе этого никогда не простишь!». Гиша поехал на похороны. Тарик подарил ему часы отца, сказав, что тот просил это сделать в память о нем.

Коллеги, или У всех свои игровые компашки

Всех коллег и друзей Доры, как и ее учеников, трудно перечислить. Марта Аргерих – выдающаяся пианистка современности, одна из множества коллег и близких друзей Доры. Вместе они записали диск в Брюсселе, где живет Марта. Совместная работа и для скрипачки, и для пианистки была наслаждением. Биографии музыкантов, вообще-то, надо рассказывать по их записям, музыка – это единственное, что имеет смысл!

Дора Шварцберг и коллега-подруга пианистка Марта Аргерих во время записи CD в Брюсселе

Еще один коллега Доры, с которым мне посчастливилось познакомиться, – американский пианист Николас Ангелич. Он стал в пять лет обучаться игре на фортепиано под руководством мамы. В семь лет исполнил фортепианный концерт Моцарта, в тринадцать поступил в парижскую консерваторию. В 1994 году стал лауреатом международного конкурса пианистов имени Джини Бахауэр в США, а в 2002-м на фортепианном фестивале в Германии получил премию «Молодой талант» из рук самого Леона Флейшера.

Короче говоря, у всех свои игровые компашки: мама Омара Шарифа играла с королем Фаруком I, а Дора Шварцберг играла с Николасом Ангеличем и Мартой Аргерих. У всех свои не только игровые компашки, но и свои игры: у кого покер и бридж, а у кого Моцарт и Бетховен.

Кирилл Максимов – бывший ученик Доры, а сегодня концертмейстер одного из лучших оркестров Вены – позвонил и пригласил своего педагога на концерт, где будет играть Николас Ангелич, и где будут исполнять «Петрушку» Игоря Стравинского. Конечно, мы пошли! А кто бы от такого концерта отказался?

Венский дом моделей Романов-Шварцберг

Дом Доры Шварцберг и Ивана Романова стал «русским домом» в Вене. Через него прошла вся артистическая элита страны: Людмила Гурченко, Зиновий Гердт, Михаил Жванецкий и много-много других знаменитых артистов, приезжавших в Вену. Точно так же в Милане «русским домом» был дом Эвелины Шац: Юрий Нагибин, Белла Ахмадулина, Юрий Любимов, Андрей Кончаловский, Борис Мессерер и многие другие. Такие же «русские дома» были в Париже, Лондоне, Нью-Йорке. Но «русский дом Романов-Шварцберг» отличался тем, что давал отъезжающим гостям еще «кое-что с собой». Дары Доры!

Вероятно, эта привычка заботиться о других родилась, когда мама Мира присылала студентке Доре рюкзачок с разными вкусными деликатесами, а дочка делила их со всей музыкальной компанией, жаждавшей не только духовной пищи, но и кое-чего посущественней.

Михаил Жванецкий, Дора Шварцберг и Иван Романов в одесском дворе, где жил писатель

На этот раз все оказалось сложнее. Я уже опаздывал на поезд, выскочил с чемоданом в переднюю, быстро надел пальто и собирался оттрапортовать: «Спасибо! И пока!» – как вдруг Дора сказала Ивану:

– Посмотри, как ему идет пальто! Может быть, ему подойдет и твой новый плащ, из которого ты вырос?

Иван бросился к шкафу, достал плащ и скомандовал:

– Ну-ка, примерь!

– Вы с ума сошли, – парировал я, – у меня у самого дома два плаща висят: белый и синий!

– А этот серый! У тебя такого еще нет! – возразил Иван.

– Да, нет, не надо, – отнекивался я, – да и чемодан уже полный, положить некуда!

И вдруг Дора решительно сказала:

– У нас тут был Михаил Жванецкий, так Иван ему свой пиджак подарил!

– Ну, и что из этого? – возразил я, глядя на часы.

– А то! – веско произнесла Дора. – Взяв плащ, вы сможете всем говорить, что одеваетесь в венском доме моделей «Романов-Шварцберг», как и Михаил Жванецкий!

Этот аргумент Доры добил меня окончательно: я быстро скинул пальто, примерил плащ, Иван передал моей жене привет вместе с просьбой перешить пуговицы, сложил плащ в чемодан и помчался на вокзал.

Дорогой читатель, заявляю совершенно официально: автор одевается в том же венском доме моделей «Романов-Шварцберг», где одевается Михаил Жванецкий!

Лет десять назад Дора зашла в офис Михаила Жванецкого на Тверском бульваре в Москве. Писателя не оказалось на месте, и Дора решила подождать его, устроившись с книжкой в дальнем углу комнаты у окна. Первое, что сказал Жванецкий, когда открыл дверь:

– Люблю Дорочку за то, что ее можно обнять практически из любого угла комнаты.

В свой день рождения вечером Дора позвонила писателю.

– Что-то случилось? – спросил Жванецкий. – Сейчас просто так никто никому не звонит.

– Да, – ответила Дора, привыкшая говорить «нет», – у меня случился день рождения!

– И ты по этому поводу мне звонишь? – еще раз спросил Михал Михалыч.

– Да, звоню по этому поводу, хочу, чтобы ты меня поздравил.

– Обычно мне звонят на мой день рождения, а ты звонишь на свой – это оригинально, – сказал сатирик, которому три недели назад исполнилось восемьдесят пять лет.

– Звоню на свой день рождения, потому что на твой к тебе не дозвониться!

«Петрушка» Стравинского и «Петрушка» Шварцберг в Вене

Каждый выходящий на сцену артист – Петрушка, он хочет быть любимым зрителями. Любовь зрителей – наркотик для артиста, без нее артист не может жить. Но зрители своим пронзительным свистом могут отрубить голову артисту, так же, как Арап отрубает голову Петрушке в балете Игоря Стравинского. Свист зрителей – это опилки, которые сыплются из Петрушки-игрушки по всей сцене его души. Но чаще всего на сцену сыплются цветы...

Наш разговор – как бесконечная косичка, в нее все время вплетается засушенная соломка новых, не записанных воспоминаний, какие-то веселенькие ленточки и увядшие цветочки, и концы этой вьющейся косичке памяти не видно.

Научить внука играть на скрипке, или Публичное одиночество артиста

На моей визитной карточке написан девиз в одном предложении, но на трех языках: «Tell me your dream und ich sage dir кто ты!». «Расскажи мне о своей мечте, и я скажу тебе, кто ты!» Когда я ехал к Доре и обдумывал вопросы для интервью, то решил за-

Мальчик хочет играть на скрипке, а отец, футбольный фанатик, заставлял сына играть в футбол.
Старец Лук (актер Ян Деклер) учит мальчика Финна играть на скрипке.
Кадр из фильма «Финн и магия музыки», 2013

дать ей наивный детский вопрос: «Какая у вас мечта?» Для меня ответ был почти ясен. Она – известный во всем мире исполнитель и музыкальный педагог с несколькими десятками или даже сотней учеников по всему миру – должна была ответить: «Научить внука играть на скрипке!». Именно так я хотел назвать свое интервью и сказал об этом Доре.

– Нет! – услышал я в ответ голос девочки с ташкентского базара. – Это не моя мечта! Я не собираюсь заставлять своего внука учиться играть на скрипке. Он будет заниматься тем, что ему больше всего нравится, – это моя мечта! Захочет играть в футбол, а не на скрипке, – пусть играет в футбол!

В недавно проведенном среди людей старше семидесяти пяти лет опросе был задан один вопрос: «О чем вы больше всего жалеете в жизни?». Пенсионеры чаще всего отвечали: «О потерянном на нелюбимой работе времени». На втором месте был ответ: «Слишком мало времени провели с любимыми людьми».

– Как жаль! – сказал я. – Мне так нравилось придуманное для интервью название: «Научить внука играть на скрипке». Почти как в фильме Яна Деклера.

– У меня есть другое название, – сказала девочка Дора, мечтавшая быть артисткой: «Публичное одиночество артиста».

К.С. Станиславский писал о публичном одиночестве актера на сцене. Но многие артисты и вообще люди искусства одиноки не только на сцене, но и в жизни. Для актеров или музыкантов-исполнителей это одиночество связано с тем, что, проникая и погружаясь глубоко в пьесы великих драматургов или в музыку великих композиторов, они живут их чувствами, а не собственной частной жизнью. Отсюда и публичное одиночество. А музыка – это наслаждение и убежище для всех одиноких...

Философия Доры

Философия Доры основана на ее собственном жизненном опыте и на том, что говорили ее учителя и что говорят ее ученики. Прошло то замечательное время, когда достаточно было одной виртуозной игры на скрипке, фортепиано или виолончели, чтобы привести публику в восторг. Сейчас нужен синтез искусств: музыки, поэзии, живописи, танца. Скажу даже больше: нужен синтез искусств с науками: с лингвистикой, математикой, нейрофизиологией. Мир стремительно развивается, и кто этого не поймет, останется, как провозглашали футуристы, «за бортом современности»!

Американский лингвист и философ Ноам Хомский говорит: «Все там уже есть», – и показывает, как юный китайский ученик Доры, большим пальцем в небо. «Все основные мелодии уже написаны, – вторит ему Дора, – нам осталось их только исполнять по нотам, но интерпретировать своими чувствами».

Композитор подслушивает мелодии в музыкальной студии Создателя, в высших небесных сферах, записывает их на нотный стан и передает ноты исполнителю. Настоящий исполнитель – это передатчик, транслятор, медиум: он возвращает

Создателю музыку, подслушанную у него композитором, и при этом мы слышим ее.

Владимир Познер в интервью с российским психолингвистом Татьяной Черниговской, хорошей знакомой Доры, задал вопрос: «Что является наивысшим достижением человеческого мозга в искусстве: литература, живопись, музыка, танец?». Черниговская мгновенно ответила – музыка! Потому что музыка – наиболее абстрактный и универсальный язык людей, а может быть, и животных, по крайней мере птиц.

Дора не считает, что для того, чтобы играть Моцарта, надо обязательно родиться в Зальцбурге. Но место и его аура как-то влияют на язык, на выражение чувств. Раньше Дора немного побаивалась играть Шуберта и не донести биение его сердца, биение его пульса до слушателей. Но однажды в венском лесу, идя по тропинке у озера, она услышала щебетание птичек и вспомнила четверостишие Мандельштама:

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме,
И Гете, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.

Тогда Дора поняла, что «венский птичий гам», должен быть и в музыкальных гаммах тоже, и боязнь играть Шуберта прошла. Мандельштам помог Доре: «Быть может, прежде губ уже родился шепот». А шепот – самый сильный язык: когда вы говорите громко, вас слышат, когда вы говорите тихо – к вам прислушиваются.

Как объясняет Татьяна Черниговская, в мире шесть-семь тысяч человеческих языков и наречий. Кроме этого, языками являются математика, музыка, живопись, танец и т. д. Самый рациональный язык для передачи сообщений – азбука Морзе: SOS! Save our souls! Спасите наши души! Музыка – это то, что спасает наши души.

– Я человек не религиозный, – говорит Дора, – но к лучшей музыке человечества нельзя подобрать другого слова, кроме как «божественная»!

– Прежде, чем мы начнем играть, скажите мне: для кого вы играете? – спросил однажды Дору известный итальянский и норвежский дирижер перед концертом.

– Думаю, что для себя, – ответила Дора.

А я думаю, что Дора играет не только для себя, но и для Создателя тоже. Она все делает для других, включая и Его, – это «Дары Доры». Она возвращает Создателю музыку, которую подслушали у Него в небесной студии великие композиторы. Композиторы и поэты – избранники богов, они пасутся на небесных пастбищах, подслушивая мелодии и стихи в студии Создателя. А музыкант-исполнитель возвращает Создателю взятую у него взаймы гармонию. Так же и чтец: возвращает Создателю подслушанные поэтом в Его небесной студии стихи.

Возвращаясь с мастер-классов в Израиле, Дора купила в аэропорту книгу современного философа Юваля Ной Харари «Номо Deus. Краткая история будущего». Философ пишет: «Именно наша свободная воля наполняет Вселенную смыслом...». Каждый день вы едете на работу и слушаете в машине или метро любимую музыку, которую выбрала ваша свободная воля. Значит, музыка наполняет Вселенную смыслом.

ДШ: «Мы, музыканты, норовим сделать немножко больше, чем нам платят, потому что момент извлечения музыки – момент извлечения истины. Это самое дорогое, что у музыканта есть! Музыкант – предназначение, и мы должны ему служить, исполняя и храня музыку».

Дора – каюр III степени

– Вы много летаете по всему миру. Какие поездки вам запомнились больше всего? – спросил я Дору в конце нашего разговора.

– Больше всего мне запомнились поездки на Камчатку, в Норильск, в Сибирь. Потрясающая, уникальная природа!

– А что запомнилось в этих поездках?

– Я горжусь, например, тем, что участвовала в соревнованиях на собачьих упряжках и получила высокое звание «Каюр III степени».

– Все-таки от тети Симы вам перепало желание управлять всем миром: от мастер-класса в Вене до собачьей упряжки в Сибири.

– Нет, не всем миром, просто интересно попробовать то, что ты в жизни еще не делал!

– Вы только что прилетели из Китая, где давали мастер-классы. В июне вы снова полетите в Пекин. Перед этим вы были в Брюсселе. Через неделю вы улетаете в Израиль, опять давать мастер-классы, и так каждый месяц. Потом вы летите в Италию, оттуда в Норвегию... Куда несется ваша «собачья упряжка»? И управляете ли вы ей?

– Мне бы хотелось не только оставить воспоминания внуку, но и передать свое ремесло дочери. А после этого я бы хотела тихо сидеть в маленьком испанском городке с единственной улицей, ведущей к морю, слушать музыку, пить маленькими глоточками прекрасный испанский кофе и смотреть вслед уходящему от меня внучатому племяннику Рихарда Штрауса.

Когда-то Михаил Жванецкий сказал: «Люблю Дорочку за то, что ее можно обнять практически из любого угла комнаты». Перефразируя писателя-сатирика, я говорю, что сегодня Дору можно обнять практически из любого угла мира: Японии, Китая, России, Израиля, Европы, Америки и даже Африки – Омар Шариф, родившийся в Египте, обнял Дору в мадридском ресторане. Остались не охваченными Дорой только два континента – Антарктида и Австралия. Но я не удивлюсь, если завтра узнаю, что наш каюр третьей степени несется по Антарктиде на собачьей упряжке или по Австралии на упряжке кенгуру.

Дора: «Я горжусь тем, что участвовала в соревнованиях на собачьих упряжках»

Круги Доры

В жизни все возвращается, как написано в Библии, «на круги своя», возвращается все, но на другом уровне и в другом качестве. Дора уехала из Вены в Израиль и вернулась в Вену профессором Венского музыкального университета. Дора уехала из Израиля в Европу и вер-

нулась в Израиль профессором музыкальной академии Бухман-Мета в Тель-Авиве. Несется, несется «собачья упряжка» Доры Шварцберг, каюра третьей степени, по миру, наматывая жизнь «на круги своя», круги Доры. Несется, несется все быстрее и быстрее, аж ветер свистит в ушах!.. «Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги своя».

Возвращается все, кроме прошедшего времени и прожитой жизни. Прожитая жизнь, словно музыка, улетает ввысь к ее Создателю. Но, как говорит дочь Доры: «Музыка улетает, а счастье остается!..».

